

ЛУЧШАЯ
КРИМИНАЛЬНАЯ
ДРАМА

ВЛАДИМИР

КОЛЫЧЕВ

**СЛАДКОЕ
ЯБЛОКО РАЗДОРА**

МОСКВА
2023

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К60

Колычев, Владимир Григорьевич.

К60 Сладкое яблоко раздора / Владимир Колычев. — Москва : Эксмо, 2023. — 288 с. — (Колычев. Лучшая криминальная драма).

ISBN 978-5-04-186597-9

В небольшом приволжском городке убит председатель профкома крупного комбината Юрий Трутов. Следствие, возглавляемое подполковником полиции Артемом Малаховым, считает, что убийство могло быть заказано женой Трутова. Незадолго до этого он продал контрольный пакет акций крупного южного санатория и хранил деньги на счету семьи. Под подозрением также оказалась и любовница погибшего, Ева, сестра местных криминальных авторитетов. Возможно, это был ее ответ на неразделенные чувства... Подполковник Малахов пытается нащупать правдоподобную версию, тем временем подозреваемые по делу неожиданно начинают самую настоящую войну с полицией...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-186597-9

© Колычев В.Г., 2023
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2023

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1

Конец октября, через пару часов начнется ноябрь, на стыке времен года ветер дует особенно пронзительно. И тревожно. За последние несколько дней ни одного убийства. Для столь беспокойного города, как Волговодск, это как минимум подозрительно. Как бы чего не случилось. Максим внутренне поежился, глянув на часы. В машине тепло, а на душе не то чтобы зябко, но температура там точно не комфортная. А еще обидно. За своего напарника. Должность начальника уголовного розыска поставили на «орла», а ему выпала «решка». И Максим на освободившуюся вакансию претендовал, и Стасов. Начальник подполковник Артем Малахов даже не знал, кто более достоин. Он мог принять волевое решение, но Стасов сам предложил жребий. Сам же и проиграл. Сидит, молчит, невесело о чем-то думает, возможно, обижается. А может, и нет. Он всегда такой, спокойный, молчаливый, рассудительный. Иногда кажется, что себе на уме. Но так только кажется, на самом деле он нормальный, свой в доску парень.

Они уже подъезжали к дому, когда на телефоне заиграла мелодия. «Наша служба и опасна, и трудна». Судя по рингтону, звонил начальник.

— Макс, ты сейчас где? — спросил Малахов.

И тон у него такой же боевой, как и рингтон, Максим с нехорошим предчувствием глянул на засыпающего Стасова.

— Да уже пирожками пахнет. С мясом. Люба где-то рядом.

— Пирожки с мясом — плохая примета.

— Да я это уже понял, — вздохнул Максим.

— Улица Волжская, дом сто тридцать восьмой, тут рядом.

— Пирожки с мясом?

— Один... Э-э, работай давай!

Название улицы Волжская говорило само за себя, она тянулась по берегу реки: ближе к центру города — многоэтажная застройка, на окраине — частный сектор. Потерпевший жил даже не на окраине, а за чертой города, но в доме, выходящем на реку.

Откатные ворота нараспашку, но Максим заезжать во двор не стал. Только они с Егором вышли из машины, появилась хозяйка дома, не очень молодая, но довольно-таки красивая женщина. Волосы растрепаны, лицо заплаканное, тушь под глазами размазана, но все равно она выглядела довольно эффектно. Худенькая, длинноногая, легкое пальто смотрелось на ней как выставочный образец на манекене в бутике фирменной одежды. Максим просто обязан

обращать внимание на все, даже на мелочи... А это не мелочи! Тем более что женщина вышла к ним не со двора, а со стороны улицы.

Над воротами дома ярко горел фонарь, на свет женщина вышла из темноты.

— Вы кто? — встревоженно спросила она.

Наверняка Малахов отправил к месту происшествия наряд и участкового, но Максим все же прибыл первым. Но ради этого им, увы, пришлось принести в жертву ужин, а там не только пирожки, Люба еще и жаркое обещала. К стаканчику домашнего вина. А то и к двум...

— Капитан Павлов, уголовный розыск!

— А вы, простите, кто будете? — Стасов с нескрываемым интересом смотрел на женщину.

— Я вас вызывала! — показывая на дом, сказала та.

— А там что делали? — Стасов кивнул в темноту.

Улица в этом районе застраивалась новыми домами, но фонарей хватало, почти везде светло. И только за домом потерпевшего почему-то темно. А улица на сто тридцать восьмом доме не заканчивалась.

— Что делала... «Вольво» наш там! — Всхлипнув, она приложила пальцы к глазам. — Убийцы его бросили!

— Убийцы? — Павлов и Стасов переглянулись.

— Я захожу в дом, а там Юра, весь в крови, слышу, машина выезжает со двора. Ворота открылись, машина выехала... Я потом за ними пошла...

— Юра — ваш муж?

— Муж... Трутов Юрий Константинович, я говорила... Я думала, он живой, а он умер! — Женщина всхлипнула и, не в силах сдержать слезы, зарыдала.

На дороге со стороны города замелькали проблемные маячки синего цвета Максим решил, что это патрульно-постовая служба на подходе, но к дому подъехала машина «Скорой помощи».

— «Скорую» вы вызывали? — спросил Стасов.

— Да, вызывала.

— Вы же сказали, что муж умер.

— А вдруг? — снова разрыдалась женщина.

Максим оставил Стасова с ней, а сам, взяв с собой только врача, прошел во двор.

Дом солидный, двухэтажный, терраса, мезонин, встроенный гараж. Дорога от ворот раздваивалась, одна «ветка» вела к гаражу, другая шла к площадке перед крыльцом. У входа в дом стоял паркетник «Инфинити» белого цвета.

Максим осторожно прошел в дом. Потерпевшего он увидел с порога, тело лежало посреди холла. Голова разбита, лицо в крови, рука безжизненно откинута. Вряд ли человек жив. Но в любом случае действовать нужно осторожно. Совершенно особо тяжкое преступление, будет работать группа, а следователи ох как не любят, когда затаптываются следы. Максим и сам надел бахилы, и врача обязал.

Впрочем, в медицинской помощи потерпевший не нуждался, врач всего лишь констатировал смерть. Максим попросил его покинуть место происшествия, связался с Малаховым, подтвердил заявление граж-

данки Трутовой. Впрочем, следственно-оперативная группа уже и без того собиралась на выезд, оперативники, можно сказать, уже прибыли на место убийства. Как чувствовал Максим, что так просто этот месяц не закончится.

Трутова жестоко избили, удары в основном наносились по голове. А били чем-то твердым и тяжелым, скорее всего металлическим. Били наотмашь, вокруг все должно было летать и падать, а в холле полный порядок, подушки на диване все на местах, торшер с кованой стойкой не перевернут. Даже ковер, на котором лежало тело, и тот не смят. И только кровь под головой, причем натекло совсем чуть-чуть, ковер слегка испачкался.

Максим осторожно заглянул в каминный зал. А там полный разгром. Ковер смят, одно кресло сдвинуто к барному шкафу, другое перевернуто, кожаная обшивка на подлокотнике пробита чем-то острым. Два столика в комнате, один круглый чайный между креслами, другой журнальный, чуть большего размера, — перед диваном. Чайный столик перевернут, журнальный, видимо ударом, вплотную придвинут к дивану. На том же диване ваза с цветами, видимо, переместилась со столика. Ваза упала, но вода из нее не выливалась за отсутствием таковой. Цветы-то неживые. Стекло в дверце барного шкафа разбито, осколки на паркете, часть на ковре. Даже люстре досталось, один из четырех кубических плафонов свесен вместе с лампочкой, от которой остались осколки в цоколе. На каминной полке в строгом порядке кра-

совались две стеклянные колбы с большими свечами в них, одна не удержалась, упала и разбилась, другая устояла. Там же, у камина, стояла кованая дровница с каминным набором. Но из четырех предметов Максим увидел только два, каминные щипцы висели на одном крючке, щетка на длинной кованой ручке, на другом. Ни совка, ни кочерги. Может быть, их унесли с собой преступники. Но зачем?

Дровница стояла криво, возможно, ее сдвинули с места, но не перевернули. Слишком тяжелая она, так просто ее не опрокинуть. И щипцы из толстых кованых прутьев, и щетка внушительного вида. Кочерга и совок, очевидно, тоже немаленькие и в данном случае явились идеальными орудиями убийства. Скорее всего, этими предметами из каминного набора Трутова и забили до смерти.

Максим в каминный зал не заходил, от двери окинул взглядом комнату — по часовой стрелке, как учили. Справа голая стена с картинами в рамках, у дальней стены камин, напротив двери высокие окна с красивыми шторами. У четвертой стены барный шкаф. Диван стоял спинкой к окну, напротив него кресла. Зал просторный, отделка и обстановка в едином стиле — такого комфортабельного охотничьего домика в тонах красного дерева. Голова косули над камином вписывалась в дизайн если не идеально, то близко к тому. Чучело на месте, рога тоже.

Павлов мог только предполагать, как развивались события. Справа от входа, перед барным шкафом, находилась арка, соединяющая каминный зал с обеден-

ной зоной, стол там на шесть-восемь персон, шкаф с посудой, дальше шел поворот на кухню, попасть в которую можно было и через холл. Следов застолья Максим не обнаружил ни в одном из трех смежных помещений. Значит, драка между собутыльниками отпадала. Возможно, потерпевший только что пришел домой, на это указывала его одежда — синий костюм, белая рубашка без галстука. На ноге одна домашняя тапка, вторая валялась в каминном зале.

Возможно, Трутов вернулся домой не один, с кем-то, возможно, из своих друзей. Но вспыхнула ссора, завязалась драка, в ход пошла кочерга. Вполне реальное развитие событий. Но почему тогда тело перекочевало из одного помещения в другое? Возможно, преступник решил избавиться от трупа, вывезти его куда-нибудь за город. И где-нибудь закопать. Например, с помощью каминного совка. Но тело на пол в холле опустили аккуратно, ковер нигде не смят и лежал ровно. Значит, тело несли, а не волокли. А если несли, то это уже как минимум два человека.

Убийство совершено недавно, кровь еще теплая — можно предположить, что преступников кто-то вспугнул. Павлов посмотрел на окно холла, которое выходило прямо на ворота. Шторы раздвинуты. Жена Трутова подъехала, фары ее машины могли если не ослепить, то исполошить убийц.

Максим окинул взглядом холл со стороны входной двери. Налево — каминный зал, прямо — вход на кухню, чуть правее — лестница на второй этаж, направо — дверь, по-видимому, в гараж. Скорее все-

го, именно туда преступники и собирались отнести тело и погрузить его в багажник хозяйской машины. Если так, то именно этой дорогой они и ушли. Но без трупа. Спустились в гараж, сели в машину, и тью-тью. Пока вдова новопреставленного пребывала в шоке, они уехали — и одни ворота открыли, и другие. Но если у них имелся пульт дистанционного управления, если они смогли запросто открыть ворота, почему они не забрали труп?

В принципе, жена покойного могла поднять тревогу, что она, в общем-то, и сделала, преступников могли остановить в дороге, а у них труп в багажнике, перспектива, мягко говоря, не очень. К тому же преступники действовали грубо, наследили они здорово, криминалисты снимут богатый урожай улик. Труп вывезти можно, а от следов избавиться очень трудно, нужно много времени и кропотливого труда. Тем более что пролилась кровь, наличие которой усиливает и консервирует запах преступника. Но тут возникает вопрос, понимали ли все это убийцы. Если они действовали спонтанно, то вряд ли. А если это заказное убийство, если работали профессионалы? Если да, то преступники знали, как работают криминалисты, какая у них техника, какие возможности. Может, потому и отказались от идеи увезти труп с собой.

Но профи, как правило, работают тихо, а здесь как будто Мамай прошел. Может, все-таки друзья Трутова постарались. Или просто знакомые. Может, коллеги по работе.

Максим задумался, вспомнил о машине, которую обнаружила вдова потерпевшего. Она говорила о «Вольво» мужа, который нашла неподалеку от дома. А почему она могла обнаружить машину? Уж не потому ли, что преступники пересели из чужой машины в свою? Если так, почему их автомобиль находился в относительном отдалении от дома? Друзья, знакомые заехали бы во двор...

Максим не бродил по комнатам в поисках следов, перемещался только по холлу, в каминный зал заглянул, а через него в столовую. Даже в гараж не заходил. Сейчас подъедут следователи, криминалисты возьмутся за работу, нельзя затапывать следы. Нужно как можно скорее покинуть дом. И все же любопытство заставило его еще раз заглянуть в каминный зал.

Он тоже знал, как работает следственно-оперативная группа. Микрочастицы следов снимаются со всего: пылевые с ковра, с кафельной плитки, паркета — электростатическим и химическими методами, на вооружении у эксперта есть специальное устройство, Максим точно это знал. Потожировые выделения — это отдельная история. Криминалист может снять отпечатки пальцев, а потом даже сможет выделить из них генотип предполагаемого преступника, а затем и ДНК — для последующей экспертизы. Разумеется, все очень сложно, но криминалистическая лаборатория в отделе оснащена превосходно, случай помог. Целая череда нехороших случаев, которая, надо сказать, повлияла на судьбу самого Максима.

Отпечатки пальцев снимаются только с гладких поверхностей, многие в это верят. А Максим знал, что «пальчики» можно снять практически с любой поверхности, с одежды, с листьев, даже с рифленой рукояти пистолета, достаточно поместить исследуемую поверхность в цианоакрилатовую камеру, в лаборатории такая есть. Даже следы запахов можно изъять с помощью стерильной фланели, наложив материал на подозрительный предмет, или просто сделать забор молекул воздуха обычным шприцем из медицинской аптечки.

Убийцы наверняка наследили, но криминалистам нужна примерная картина преступления: как действовали злоумышленники, откуда они появились, где находились перед нападением. Тут им на помощь придет собственный ум, следовательно что-то подскажет, работа пойдет и без участия Максима. Но картина преступления нужна и ему самому. Его дело — разыскивать преступников, и чем скорее он начнет работать, тем лучше. А экспертиза, результаты и заключение — дело долгое, пока дождешься...

А картина преступления пока размытая. Все еще не ясно, кто убил Трутова, случайные люди или профессионалы. Хозяин дома человек небедный, у него могли быть влиятельные враги.

Максим внимательно осматривал комнату, обращая внимание на каждую мелочь, но в помещение не заходил. Пока под креслом в свете полуразбитой люстры не блеснул некий красный предмет. Это мог быть окровавленный осколок стекла, вещь, представляющая безусловную ценность для экспертов. Опе-

ру такой осколок без их заключения ничего не даст. И все же Максим зашел в комнату, осторожно сдвинул кресло. И увидел золотой кулон с крупным рубином на разорванной цепочке. Украшение женское, потерпевший носить его не мог, значит, принадлежало оно кому-то из нападавших. Или просто свидетелей.

Максим не стал подбирать кулон, навел на него смартфон, несколько раз сфотографировал и только тогда вышел во двор. А там и подъехавший наряд, и жена Трутова под опекой Стасова. Она что-то бормотала вне себя от горя, а он ее внимательно слушал. И подставлял свою руку, за которую она держалась. Как будто мужа хоронила, стояла перед гробом, не в состоянии держаться на ногах. Но понять ее, конечно, можно. Мужа убили, врач констатировал его смерть, и нет никаких надежд на чудесное воскрешение.

— Простите, как я могу к вам обращаться? — спросил Максим, глядя на женщину.

Ей понадобилось время, чтобы перезагрузить свое сознание и переключиться на него. Немного не в себе женщина, и это видно. Возможно, она нарочно подчеркивает глубину своих переживаний.

— Альбина... Альбина Сергеевна Трутова, — наконец сказала женщина.

— Что вы можете сказать по поводу случившегося?

— Что я могу сказать... Приехала, захожу в дом, а там...

— Откуда вы приехали?

— Из Астрахани. В санатории была.

— Отдыхали?

— Соляные пещеры, целебные ванны, здоровье поправляла.

— Муж знал, что вы сегодня приезжаете?

— Если честно, сегодня он меня не ждал.

— А вы взяли да приехали!

Максим хотел было спросить, звонила ли Альбина Сергеевна мужу перед приездом, как поступают порядочные жены перед возвращением из командировок или с курорта, но воздержался. А звонят, чтобы предупредить о своем приезде и не нарваться на любовницу. Все-таки горе у женщины. Но скользкой темы избежать вряд ли удастся.

— Так вышло.

— Муж не ожидал вашего возвращения?

— Нет, а что?

— Вы звонили ему, спрашивали, чем он собирается сегодня заняться?

— Ну чем он занимался, на работе сегодня был...

— А где он работает?

— На комбинате, в профкоме... Председатель профкома.

— Председатель? — наматывая на ус, усмехнулся Максим.

Профкомы на фосфорном и горно-обогачительных комбинатах — вотчина местной криминальной мафии. Посредством профсоюзов Борщевик держал за причинные места владельцев этих крупных, градообразующих предприятий. Когда-то он поднимал на бунт зоны, а сейчас мог устроить забастовку рабо-

чих, а это простой предприятий, финансовые и репутационные потери. И чтобы комбинаты работали бесперебойно, их владельцам приходилось раскошеливаться. Вроде как Борщевик брал немного, но кто его знает, как там на самом деле...

— Юра на работе сегодня был, — сказала Трутова.

— Я так понимаю, он совсем недавно вернулся, — предположил Максим, глядя на видеокамеру на опорном столбе ворот.

— Не знаю. Ничего не знаю.

— Я вижу, камеры у вас есть.

— Обманка, — покачал головой Стасов.

— Ну, не то чтобы обманка... — начала, но, махнув рукой, остановилась Альбина.

— Камеры рабочие, просто не подключены, — глянув на нее, сообщил Стасов. — Дом строили, не позаботились, проводку не сделали. А тянуть провода поверх отремонтированных стен не захотели...

— А через вай-фай? — спросил Павлов.

— Не работает ничего, — с пониманием глянув на него, качнул головой Стасов.

— А преступники это знали? — спросил Максим.

— Надо бы глянуть, может, дернули какой-то компьютер... Компьютер у вас должен быть? — сказал Стасов, обращаясь к Трутовой.

— Да, ноутбук в кабинете у мужа, — сказала она.

Максим кивнул. Камеры видеонаблюдения могли замыкаться как на специальный системный блок, так и на обычный компьютер. Преступники могли унести с собой как то, так и другое. Как унесли орудия престу-

пленения... Но в то же время труп они не увезли, не успели. Может, и про компьютер не подумали. Может, и не знали о существовании камер. Не обратили внимания, когда вместе с Трутовым заезжали к нему домой.

На всякий случай Максим зашел в дом, поднялся на второй этаж, заглянул в кабинет, где должен был находиться компьютер, но увидел там только пустой стол. Колонки на нем стояли, наушники, роутер, принтер — и все это, судя по положению проводов, отсоединили от компьютера, от которого осталось только пустое место. Стол слегка запылен, а на том месте, где он стоял, чисто.

Павлов пожал плечами. Странно как-то получается. Тело преступники бросили, когда до машины оставалось всего ничего, а компьютер забрали, хотя для этого нужно было подняться на второй этаж.

Максим вышел из дома и увидел следователя Планидкина, невысокого плотного мужчину с живым взглядом на апатичном лице. Вслед за ним шел другой следователь, но уже с приставкой «криминалист». И эксперты здесь как от криминалистики, так и от судебной медицины. Вместе с группой прибыл и подполковник Малахов, глыба из плоти и крови, утяжеленная железной волей. Выражение лица суровое, даже жесткое, а взгляд спокойный, добродушный. Но расслабленности в этом взгляде ни на грамм. И усталости тоже. Спокойная вдумчивая сосредоточенность, слегка приправленная иронией.

Следователи и криминалисты прошли в дом, а Малахов остался.

— Ну что? — обращаясь к Максиму, спросил он.

Стасов правильно все понял и отвел Трутову в сторону.

— Да как-то непонятно все. С одной стороны, возможно, бытовуха. Но с другой — есть признаки заказного убийства.

— Например?

— Убитый — председатель профкома на фосфорном комбинате.

— Интересно.

— Признаки заказного убийства. Признаки бытового убийства. И признаки «шерше ля фам», — усмехнулся Максим, доставая из кармана смартфон.

Он вывел на экран изображение кулона, подошел к Трутовой и показал ей.

— Вам знакома эта безделица? — спросил он.

— У меня такой нет, — не задумываясь, мотнула головой женщина.

— Дай-ка! — Малахов взял у Павлова смартфон, глянул на кулон.

— Откуда это? — спросил он.

— Так на месте преступления нашел. Брат не стал, сами понимаете.

— Понимаю. Очень хорошо понимаю, — думая о чем-то своем, довольно-таки рассеянно проговорил Малахов.

— Возможно, на месте убийства присутствовала женщина.

— Шерше ля фам?

— Возможно, Трутов был с друзьями, возможно, не поделили женщину, возникла драка. Его убили, тело хотели вывезти, но подъехала жена, преступники скрылись на его же машине. Из гаража выехали.

— И женщина с ними?

— Не знаю. Как-то странно все получается. Если друзья, если женщина, значит, они на своей машине должны были приехать и оставить ее во дворе. А если они приехали на машине Трутова, то, на ней же и уехав, не стали бы бросать ее рядом с домом. А они бросили. Машина стоит где-то неподалеку. Я думаю, преступники пересели с одной машины на другую. Которая стояла там же, где-то неподалеку.

— А если просто решили продолжить путь пешком?

— Не знаю, я бы куда-нибудь подальше заехал.

— А машину они бросили?

— Да.

— А чего тогда стоим? Где кинолог? Где собака?

Кинолог находился в микроавтобусе, сыскная собака только ждала команды. И она ее получила. Ее подвели к машине Трутова, дали обнюхать салон, и она сразу же взяла след. Но очень скоро остановилась. След исчез. Преступники уехали на автомобиле.

— Все-таки была машина, все-таки была пере-скадка.

— Машину закрыть, взять под охрану, место оцепить, как только эксперты освободятся, направить их сюда, — распорядился Малахов, пальцем очертив круг, в пределах которого могла находиться уехавшая машина.